

В. Л. Беренштамъ.

(*Некрологъ*).

10-го ноября скоропостижно скончался, 65 лѣтъ отъ роду, нашъ ближайшій сотрудникъ *Вильямъ Людовиковичъ Беренштамъ*. Его общественно-педагогическая и ученая дѣятельность такъ была разнообразна и широка, что редакція нашего журнала рѣшила посвятить памяти его особую статью, которая и будетъ напечатана въ первыхъ номерахъ будущаго года. Теперь же мы, желая помянуть, еще у свѣжей могилы, память почившаго, рѣшаемъ пока познакомить читателей съ тѣми теплыми воспоминаніями о немъ, которыя появились сейчасъ послѣ смерти его въ мѣстной газетѣ «Киевскіе Отклики».

---

10 ноября, въ 9 часовъ вечера, скоропостижно, отъ паралича сердца, скончался одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, достойный представитель 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, *Вильямъ Людовиковичъ Беренштамъ*. Припадлежа по роду своему къ потомственнымъ почетнымъ гражданамъ г. Киева, покойный все свое дѣтство и юность провелъ въ этомъ городѣ, получивъ образованіе въ 1-ой гимназіи и въ университѣтѣ св. Владимира. Пребываніе въ старшихъ классахъ гимназіи и затѣмъ въ университѣтѣ совпали съ тѣмъ знаменательнымъ періодомъ въ русской жизни, который характеризуется именемъ «эпохи реформъ» царствованія Александра II-го. Изъ стынъ университета вынесъ онъ тѣ чистые идеалы

общественности, ту глубокую вѣру въ созидательный силы общественныхъ учрежденій, ту непрітворную любовь къ народу, съ которыми, по окончаніи университетскаго курса въ 1862 г., вступилъ онъ на путь общественной дѣятельности въ скромной роли учителя гимназіи, и которые сохранилъ до послѣднихъ ми-
нутъ своей жизни. Учительская его работа началась съ кievскихъ педагогическихъ курсовъ, на которыхъ въ тѣ годы будущіе педаго-
гоги вырабатывали свои силы и способности, посвящая уроки
учителей въ гимназіяхъ, а затѣмъ ведя самостоятельно препо-
даваніе своего предмета въ какомъ нибудь классѣ.

Пишущій эти строки живо помнить въ своеімъ классѣ, въ качествѣ учителя географії, молодого, энергичнаго, талантливаго кандидата-педагога В. Л. Беренштама, успѣвшаго въ теченіе нѣ-
сколькихъ мѣсяцевъ стать любимымъ учителемъ всѣхъ настъ, тогда
малышей 2-го класса. Послѣ двухлѣтней практики кандидатъ-педа-
гога, В. Л. Беренштамъ получилъ назначеніе на должность учителя
исторіи въ Каменецъ-Подольскую гимназію, изъ которой черезъ
4 года, въ 1868 г., опять перебрался въ любимый свой Кіевъ, где
занялъ должность учителя географії въ военной гимпазії. Один-
надцатилѣтняя служба его въ Кіевѣ доставила ему извѣстность,
какъ превосходнаго педагога, о которомъ не разъ приходилось
слышать самые восторженные отзывы отъ его бывшихъ учениковъ,
любившихъ и уважавшихъ его, какъ учителя и человѣка. Пре-
красно выполняя свои учительскія обязанности, В. Л. Беренштамъ,
будучи человѣкомъ чуткимъ ко всѣмъ общественнымъ дѣламъ,
игралъ въ эти годы въ Кіевѣ видную роль въ разнаго рода об-
щественныхъ предпріятіяхъ: онъ энергично работаетъ въ качествѣ
члена юго-западнаго отдѣла Императ. географ. общества, къ со-
жалѣнію быстро исчезнувшаго съ горизонта кіевской жизни; онъ
приимаетъ близкое участіе, въ качествѣ сотрудника, въ инте-
ресныхъ 90 померахъ за 1875 годъ газеты «Кіевскій Телеграфъ»;
онъ избирается гласнымъ кіевской городской думы; наконецъ, онъ
усиленно работаетъ для поддержанія и развитія въ обществѣ тѣхъ
идейно воспринятыхъ имъ началь, которыми характеризуется
дѣятельность національныхъ украинскихъ группъ, желающихъ

ислужить своему народу. Вся эта его живая дѣятельность имѣла слѣдствіемъ своимъ переводъ его въ 1879 г. въ Псковскую военную гимназію на должность преподавателя исторіи и географіи; но уже черезъ годъ переводится опять на ту же должность въ Петербургскую гимназію.

Съ 1880 года и до времени выхода въ отставку, въ 1898 году, В. Л. Беренштамъ провелъ въ Петербургѣ, служа учителемъ въ военной гимназіи и въ учительскомъ институтѣ. Подобному какъ въ Киевѣ, онъ и въ Петербургѣ не могъ жить вдали отъ участія въ общественной дѣятельности: будучи человѣкомъ вполнѣ научно-образованнымъ, любя книжное и литературное дѣло, онъ примкнулъ къ лучшимъ литературно-научнымъ силамъ столицы, и его постоянно можно было видѣть активнымъ участникомъ въ разныхъ учрежденіяхъ: литературный фондъ, союзъ писателей, редакціи журналовъ, не говоря уже о личныхъ близкихъ, а иногда даже дружественныхъ, связяхъ съ литераторами и учеными.

Слабѣвшія силы заставили его въ 1898 году оставить службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Петербургъ для того, чтобы остатокъ дней своихъ дожить въ родномъ ему Киевѣ. Здѣсь, въ эти послѣдніе шесть лѣтъ его жизни, мы встрѣчаемъ его все такимъ-же энергичнымъ, отзывчивымъ на все доброе работникомъ въ нѣсколькихъ общественныхъ учрежденіяхъ: онъ принималъ живѣйшее участіе въ издавательствѣ журнала «Киевская Старина»; онъ съ неизмѣнной аккуратностью работалъ въ Киевскомъ обществѣ грамотности, въ качествѣ члена совѣта общества и члена нѣсколькихъ комиссій его; занимаясь самъ археологическими изученіями, онъ примкнулъ къ обществу, устроившему въ Киевѣ мѣстный музей древностей и искусствъ. Однимъ словомъ, покойный В. Л. Беренштамъ былъ та живая сила, которая не могла отдергнуть понятія о жизни отъ понятія объ общественной работе; а въ такихъ силахъ такъ пуждается наше время и наше общество!

До какой степени у покойного были логически выдержаны устои его общественныхъ міровоззрѣній, лучше всего видно изъ того, что самъ онъ, не будучи по происхожденію украинцемъ, не

унаслѣдовавши, значить, никакихъ родовыхъ традицій въ этомъ направлениі, а только выросши и воспитавшись въ Украинѣ, понять, какова должна быть роль людей мѣстныхъ. Своимъ нравственнымъ обликомъ онъ доказалъ, что национальное дѣло не есть шовинистическая утопія, а является естественнымъ выводомъ изъ основъ общечеловѣческаго міровоззрѣнія.

Пусть-же будетъ земля первомъ на твоей могилѣ, добрый, честный, благородный человѣкъ.

В. Науменко.

Скончался Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ...

Еще 10 ноября, послѣ полудня, мы видѣли его здоровымъ, бодрымъ, какъ всегда живо, можно сказать, юношески-страстно интересующимся общественной жизнью. Какъ всегда, неустанно работала его свѣтлая мысль, и взгляды на современное положеніе вещей отличались обычной ясностью, тонкостью анализа сложныхъ явлений, просвѣщенной опытностью долголѣтняго наблюдателя и работника нашей общественности, не сгибаемой принципиальностью и горячностью опредѣленныхъ симпатій...

А къ вечеру его не стало!..

Вѣсть о внезапной кончинѣ Вильяма Людвиговича поразитъ глубокой, искренней скорбю всѣхъ зналшихъ его, какъ человѣка и общественного дѣятеля. Научно-литературныя, педагогическія и вообще общественные заслуги покойнаго достойны винимательной оцѣнки. Но сейчасъ мысль и скорбное чувство слишкомъ поражены тяжкой утратой, и въ памяти, какъ живой, встаетъ обаятельный обликъ того, о комъ прежде всего хочется сказать: «человѣкъ онъ былъ!» — чуткій, отзывчивый, добрый, хороший человѣкъ...

Мих. Могилянскій.

Отдавая сегодня послѣдній долгъ и произнося послѣднее «прости» одному изъ видныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ, мы не можемъ не напомнить о той дѣятельности покойного В. Л., которая тѣсно связала его имя съ исторіей Киева вообще, городского самоуправлениія въ частности.

Одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей этой дѣятельности, я и посвящаю ей эти строки.

Дѣло происходило въ концѣ 1878 г. Два четырехлѣтія городомъ управляла группа лицъ, съ бывшимъ ректоромъ кіевскаго университета Н. К. Ренненкампфомъ во главѣ, и это же управление все яснѣ и яснѣ обнаруживало для кіевскихъ жителей несоответствіе между тѣми задачами, которыя должно было преодолѣвать городское самоуправленіе, и тѣмъ, что происходило въ дѣйствительности. Необходимость измѣнить составъ гласныхъ, измѣнить ходъ и направленіе хозяйственной политики городской управы, политики, направленной въ сторону страшно дорого обходившихся городскихъ построекъ (въ родѣ, напр., зданія нынѣшней городской думы), а не въ пользу удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей городского населения (санитарныя мѣры, школьнное дѣло и т. д.), вызывали все болѣе и болѣе недовольство и жалобы. Къ концу 1878 года движеніе противъ порядка вещей, установившагося въ управѣ и думѣ, стало сказываться съ особенною силою, благодаря въ особенности тому, что въ началѣ 1879 года заканчивались полномочія думы и предстояли новые выборы. Въ этотъ-то моментъ покойный В. Л. выступилъ на арену дѣятельности. Обладая рѣдкою энергией, не знающей устали, онъ сразу же сталъ во главѣ движенія, сразу же сгруппировалъ вокругъ себя массу недовольныхъ. И здѣсь онъ являлся агитаторомъ не изъ-за личныхъ цѣлей, не изъ-за вопроса о личностяхъ, а агитаторомъ во имя опредѣленныхъ и ясно поставленныхъ цѣлей и принциповъ. Организуя предвыборныя собрація, участвуя лично въ каждомъ изъ нихъ, онъ постоянно выступалъ съ программой, которую онъ выставлялъ, какъ необходимое условіе для дѣйствительной замѣны стараго управлениія городскимъ хозяйствомъ новымъ, соотвѣтственнымъ за-

дачамъ городского самоуправлениі. И все это время, въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, онъ не покладалъ руку, не зналъ покоя, не переставалъ работать. Нужно было видѣть его и до и во время выборовъ, чтобы понять, какую силу и энергію способенъ былъ онъ проявить. Выборы тогда носили иной характеръ, чѣмъ теперь, они производились по тремъ группамъ, и выборы второй группы длились болѣе сутокъ, выборы третьей цѣлыхъ три дня. И за все это время В. Л. былъ постоянно на своемъ посту, постоянно говорилъ, убѣждалъ, разъяснялъ, во имя какихъ принциповъ необходимо произвестіе выборы новыхъ лицъ. Насколько при условіяхъ того времени это было возможно, цѣль была имъ достигнута: прежняя управа и прежній городской голова были замѣнены новыми лицами. Но на этомъ В. Л. не успокоился: какъ гласный, онъ обратилъ все вниманіе на организацію между самими гласными, на образованіе изъ ихъ среды группы единомышленной, которая взяла бы на себя проведеніе въ жизнь истинныхъ принциповъ самоуправлениія, и былъ душою и центромъ цѣлаго ряда такихъ собраній, составлявшихся передъ каждымъ думскимъ засѣданіемъ.

Работать въ сферѣ общественной дѣятельности, притомъ сравнительно узкой, В. Л. пришлось всего пѣсколько мѣсяцевъ. Вспоминая, какое умѣніе, какую выдержку и одушевленіе, какое упорство онъ при этомъ проявилъ, чувствуешь невольно въ душѣ горькое сожалѣніе о томъ, что осталась безъ примѣненія сила, которая при другихъ условіяхъ жизни, при другой обстановкѣ, могла бы оказать значительныя услуги обществу.

Не его была вина, если дѣло скоро пріостановилось. Ему пришлось перѣѣхать въ томъ же самомъ 1879 году изъ Киева въ Псковъ, а еще раньше ему, какъ и его единомышленникамъ по думѣ, пришлось попасть въ то положеніе, которое прервало всѣ задуманныя начинанія, положеніе, нападшее своего бытописателя въ Салтыковѣ, въ его «Круглый годъ». «Апрѣль былъ ужасенъ, мая не было», говорить сатирикъ.

Не можемъ не вспомнить еще одного момента въ жизни и дѣятельности того же времени В. Л. Первое засѣданіе новой ду-

мы, въ составъ которой входилъ въ качествѣ гласнаго В. Л. состоялось 25 лѣтъ тому назадъ, 4 апрѣля. Правительство обратилось тогда къ обществу. Вопросъ поднять былъ обь адресомъ. Нынѣ покойный епископъ Ириней, тогда священникъ Орда, возбудилъ вопросъ о необходимости составленія соотвѣтственнаго адреса. Троє изъ бывшихъ тогда гласныхъ, вмѣстѣ съ В. Л., составили этотъ адресъ, поддержаный десятю гласными. Изъ этихъ десяти до нынѣшняго года оставалось въ живыхъ четыре. Еще одинъ изъ нихъ, изъ этихъ четырехъ, и самый видный, сошелъ въ могилу.

Да не умираетъ же память о В. Л., какъ о человѣкѣ, дѣятельность котораго должна служить образцомъ и примѣромъ для грядущихъ поколѣній.

И. Лучицкій.

Насъ просять напечатать слѣдующія строки, посвященные покойному В. Л. Беренштаму: «Послѣднее трехлѣтіе покойный Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ состоять гласнымъ зѣньковскаго уѣзда полтавской губ. Здѣсь онъ быстро завоевалъ симпатіи мѣстной интеллигентной публики, посѣщавшей земскія собранія. Она (эта публика), утомленная и подавленная всевозможными недоразумѣніями и дрязгами, часто возникавшими на почвѣ узкой партійности, а иногда и личныхъ счетовъ, всегда съ нетерпѣніемъ ожидала слова Вильяма Людвиговича. Раздавалось оно, всегда спокойное, глубоко продуманное, вѣнчартійное — и публика отдыхала: она узнавала, гдѣ справедливость. Весной этого года, Вильямъ Людвиговичъ отказался отъ баллотировки въ гласные. Всѣ были очень огорчены, но надѣялись, что разсѣются тучи, павыша въ послѣднее время надъ уѣздомъ, и Вильямъ Людвиговичъ вернется. — Этой надеждѣ, къ глубокому сожалѣнію, не суждено было сбыться.

Миръ же праху твоему, неутомимый труженикъ, не задумавшийся отдать свои силы общему дѣлу даже въ то время, когда подточенное здоровье требовало полнаго покоя...

Голосъ изъ толпы.

Увы, на жизненныхъ брацахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья
Восходить, зрячъ и падутъ,
Другіе имъ во слѣдъ идутъ...

Вчера мы опустили въ могилу тѣло В. Л. Беренштама. По случайному стечению обстоятельствъ, на его могилѣ почти не было ничего сказано. Тѣмъ болѣе на его друзьяхъ и знакомыхъ лежитъ обязанность помянуть его добрымъ словомъ въ печати, однимъ изъ усердныхъ работниковъ которой онъ былъ.

Я узналъ Вильяма Людвиговича въ 1859 году. Семья состояла тогда изъ старика-отца, сыновей Вильяма и Ольгерда и дочерей — Софіи и Евгеніи; старшій братъ Альбертъ, съ которымъ я впослѣдствіи познакомился въ Москвѣ, уже и тогда жилъ тамъ. Старикъ Беренштамъ вышелъ изъ Курляндіи, и потому въ домѣ господствовалъ нѣмецкій режимъ и нѣмецкій языкъ. Вильямъ уже былъ студентомъ, Ольгердъ еще былъ въ гимназіи (старше меня однимъ или двумя классами), барышни были прекрасныя музыкантши. Семья Беренштамовъ жила тогда въ своемъ домѣ, въ тупикѣ, образуемомъ Александровскою улицею (позади нынѣшняго музея). Въ домѣ все было поставлено на европейскій ладъ, на цивилизованную ногу. Здѣсь я впервые услыхалъ хорошую, классическую музыку, здѣсь я впервые познакомился vivo voce съ нѣмецкой литературой, здѣсь я впервые вошелъ въ тотъ кругъ идей, которыми жила лучшая часть русского общества въ то время... Братья Вильямъ и Ольгердъ занимали особый флигелекъ во дворѣ; бывая у послѣдняго, я сначала лишь стороной прислушивался къ тому, о чёмъ говорили Вильямъ и его товарищи; въ ихъ компанію я не могъ входить — я былъ на шѣлый вѣкъ, на полныхъ шесть лѣтъ моложе ихъ. Но постепенно, подъ вліяніемъ жгучаго любопытства и пробуждающагося сознанія, явились первые робкіе вопросы, неумѣлья заключенія, и я живо помню, съ какою любовью, терпѣніемъ и умѣніемъ — въ этомъ сказался будущій великодушный педагогъ — отнесся Вильямъ Людвиговичъ къ запросамъ 15-лѣтняго мальчика; мало того, я и

теперь еще не могу надивиться той бережности, осторожности и разумности, съ которыми онъ посвящалъ меня въ свое *credo*.

Прошло много, очень много времени; цѣлыхъ двадцать лѣтъ я почти не встрѣчался съ В. Л. Въ 1879-мъ году, во время моего отсутствія (я ъездилъ на Кавказъ по извѣстному Кутаисскому дѣлу) я былъ выбранъ въ гласные киевской думы, гдѣ я встрѣтилъ и Беренштама. Вскорѣ мы образовали небольшую, но крѣпко сплоченную партію, которая, правда, почти всегда оставалась въ меньшинствѣ, но мы этимъ мало смущались: мы вели свою линію и находили нравственное удовлетвореніе въ своей работе. Увы, изъ этой кучки гласныхъ въ настоящее время осталось насъ только трое: В. Б. Антоновичъ, И. В. Луцицкій и я. Умерли и Кистяковскій, и Конисскій, — ген. Бутинъ, и священникъ Орда, проф. Афанасьевъ и Ильинскій. 4-го апрѣля 1879 г., въ думѣ обсуждался по предложенію тогдашняго головы Ренненкампфа, адресъ Императору Александру II по поводу покушенія Соловьева. Адресъ былъ написанъ въ обыкновенномъ, торжественно-офиціальномъ тонѣ того времени. Мы рѣшили предложить иѣсколько иную редакцію. Редакція предполагаемаго адреса была возложена на Беренштама, Луцицкаго и меня, а устная мотивировка въ засѣданіи думы была поручена мнѣ. Но наше предложеніе не прошло.

Прошло еще около двадцати лѣтъ, и я вновь встрѣтился съ В. Л. Беренштамомъ въ киевскомъ обществѣ грамотности, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ работниковъ, и въ которомъ онъ трудился до самаго смертнаго часа своего.

Резюмируя все, что я знаю и помню о покойномъ, я скажу, что на его умственномъ складѣ и характерѣ лежала печать необыкновенной глубины и сложности. Три культуры отразились на этомъ большомъ и глубокомъ умѣ, три темперамента чудно слились въ его очень выдержанномъ, рѣшительномъ, но въ то же время очень мягкому характерѣ. По происхожденію еврей, по первоначальному воспитанію иѣмецъ, по образованію и развитію русскій, Беренштамъ соединялъ въ своемъ характерѣ, жизни и

дѣятельности страстную убѣжденность семита, общественность и порядливость германца и широкій, свободный порывъ славянина. Это былъ гуманистъ въполномъ и лучшемъ смыслѣ слова. Ничто человѣческое не было ему чуждо, и любовь къ родинѣ, ея интересамъ и старинѣ не заглушала ни въ его умѣ, ни въ его душѣ интересовъ высшаго порядка.

Миръ праху твоему, дорогой другъ и учитель!

Л. Куперникъ.

Памяти В. Л. Беренштама.

10-го ноября 1904 года скончался въ Кіевѣ очень близкій намъ человѣкъ, постоянный сотрудникъ нашего изданія, почетный общественный дѣятель — *Вильямъ Людовиковичъ Беренштамъ*. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, мы могли тогда, годъ назадъ, только помянуть его въ своемъ журналь коротенькими статьями, взятыми изъ газетъ, помѣщавшихъ его некрологи, разсчитывая исклучительно посвятить памяти его болѣе обширную статью. Теперь, исполнивъ свой долгъ по отношенію къ памяти дорогого намъ человѣка, мы и

рѣшаємъ посвятить ему эти страницы, видя, что нѣсколько измѣнившіяся условія печати позволяютъ намъ теперь коснуться тѣхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности В. Л. Беренштама, о которыхъ годъ тому назадъ приходилось бы умолчать не по собственному желанію.

В. Л. Беренштамъ, родившійся 10 ноября 1839 года, принадлежалъ къ семье потомственного почетнаго гражданина города Киева. Отецъ его, по происхожденію еврей, былъ выходецъ изъ Курляндіи и, какъ въ домѣ, такъ и во всѣхъ частностяхъ семейного строя, придерживался строгаго нѣмецкаго режима, стараясь всѣхъ дѣтей своихъ воспитать вполнѣ въ европейскомъ духѣ. Намъ лично приходилось встрѣчать этого человѣка въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, когда онъ былъ уже глубокимъ старикомъ, со многими странностями; но въ тѣ годы, когда Вильямъ Людвиговичъ былъ еще мальчикомъ и юношей, это былъ человѣкъ съ твердымъ характеромъ, честнаго образа мыслей, хотя и очень консервативнаго, а главное—умѣвшій, даже въ тѣ годы царившаго повсюду произвола администрації, всегда стойко удерживаться на позиціи защиты правъ своей личности. Изъ разсказовъ покойнаго Вильяма Людвиговича о своемъ отцѣ мы знаемъ нѣсколько мелкихъ, иногда анекдотическихъ, случаевъ столкновенія его съ властями, оканчивавшихся для него крупными материальными потерями, но за то всегда свидѣтельствовавшихъ о его энергіи и настойчивости. Мы упоминаемъ обѣ этой чертѣ въ характерѣ отца, такъ-какъ, близко зная сына, видимъ въ немъ отраженіе того-же, очевидно наследственнаго, качества, особенно сказавшагося въ стойкости и непоколебимости его основныхъ убѣжденій, сохранившихся у него до гробовой доски. Прибавимъ теперь къ этому вполнѣ культурную обстановку въ семье, знаніе иностранныхъ языковъ, особенно нѣмецкаго, который съ дѣтства былъ для Вил—ма Лю—ча роднымъ языкомъ, хорошее образованіе, полученное имъ сначала въ лучшемъ киевскомъ частномъ пансионѣ Гедуэна, затѣмъ въ 1-ой гимназіи и наконецъ въ университетѣ,—и намъ вполнѣ яснымъ станетъ тотъ фундаментъ, на которомъ въ зрѣлые годы могъ прочно установиться умственный и нравственный обликъ почтеннаго общественнаго дѣятеля.

Благопріятная пора въ русской общественной жизни конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, именно тѣхъ годовъ, которые В. Л. Беренштамъ провелъ въ киевскомъ университѣтѣ, не могла не захватить такого умнаго и чуткаго юношу, какимъ былъ онъ, и

не могла не окунуть его въ живой потокъ свѣжихъ и полныхъ надеждъ общественныхъ течений. Будучи студентомъ, онъ работалъ надъ самообразованіемъ, такъ-какъ и въ то время не много могъ дать историко-филологический факультетъ въ лицѣ своихъ профессоровъ; онъ много читалъ, вполнѣ сознавая, что только наука и знаніе могутъ быть твердымъ оцломъ для серьезнай общественной работы. Но великимъ помощникомъ въ дѣлѣ развитія человѣческой личности всегда является общественность, которая, не отрывая юношу отъ книжной науки, вводить его въ круговоротъ мыслей и идей, вызываемыхъ самой жизнью, наталкиваетъ на путь практическаго разрѣшенія многихъ общихъ положеній, вырабатываетъ умѣніе согласовать теоретически обоснованные принципы съ осуществленіемъ ихъ въ своей жизненной дѣятельности,—однимъ словомъ, не даетъ человѣку замкнуться только въ кольцѣ своего личнаго „я“, въ какую-бы сторону это „я“ ни было направлено. Въ жизни В.—ма Л.—ча этотъ помощникъ—разумная общественность среди студенчества той поры—явилась весьма кстати: со своимъ общимъ развитиемъ и со знаніями, онъ, благодаря тому, что среди студентовъ проходила тогда живая волна всѣхъ жгучихъ вопросовъ общественной жизни, могъ легко ориентироваться въ окружающемъ и еще на школьной скамьѣ выработать тѣ твердые устои въ своихъ принципахъ, съ которыми вступилъ онъ затѣмъ въ сознательную жизнь и которые всегда примѣнялъ на практикѣ. Съ нимъ не случилось того, что такъ часто замѣчается въ жизни людей, пережившихъ пору своего юношескаго развитія, такъ сказать, въ болѣзняхъ процессахъ: на скамьѣ студенческой видишь его краснѣе краснаго, а затѣмъ глядишь и не узнаешь,—не то, что красноты не замѣтно, даже оранжевый отблескъ отлетѣлъ, и рѣзко блестить одна лишь вицѣ-мундирная пуговица. А все оттого, что въ эти нездоровые періоды задавленности общественной мысли всѣ, иногда очень головокружительныя, теоріи скользятъ только по поверхности, не прозиная вглубь души юношества; эпоха-же 60-хъ годовъ, при всей сравнительной скромности идеаловъ, рисовавшихся впереди, можетъ быть названа почти нормальной, съ вполнѣ здоровыми условіями (правда—кратковременными) для выработки нравственныхъ устоевъ въ личности.

В. Л. Беренштамъ въ студенческие годы, повторяемъ, прочно установилъ въ себѣ свои основныя „средо.“ И первымъ изъ нихъ былъ демократический принципъ, такъ рѣзко расходившійся со всѣмъ тѣмъ, что давала его семейная обстановка. Помимо обще-

філософськихъ построеній, помимо вліяння соціальнихъ ученій, помимо вліяння книжного, не могла не захватить его въ тѣ годы и самая жизнь русская, выдвинувшая на первую очередь вопросъ о народѣ актомъ освобожденія крестьянъ. Прекрасно понималъ онъ, какъ понимали и всѣ честные люди, что освобожденіе крестьянина отъ власти помѣщика далеко не исчерпываетъ всѣхъ освободительныхъ началъ личности, далеко не разрѣшаетъ и всѣхъ вопросовъ соціального строя; но вѣрилось тогда, что послѣ первого шага сами собой послѣдуютъ дальнѣйшіе, и что на обязанности сознательного интеллигента лежить теперь потрудиться для культурного подъема народной массы, которая, при развитіи своеимъ, быстрѣе проведена будетъ черезъ всѣ послѣдующія ступени установленія нормальныхъ и вполнѣ правовыхъ взаимоотношеній въ обществѣ. Кто могъ предвидѣть тогда, что въ вопросѣ о народномъ просвѣщеніи и развитіи такъ скоро оборвутся всѣ нити, и настанетъ тотъ мракобѣсный періодъ, въ который лозунгомъ явятся знаменитыя слова К. П. Побѣдоносцева о томъ, что *безусловно вредно распространение народного образования, ибо оно не воспитываетъ людей, не сообщаетъ умѣнья, а даетъ лишь знанія и привычку логически мыслить!* Работа для народа и во имя народа въ началѣ 60-хъ годовъ составляла задачу всѣхъ лучшихъ людей русского общества, и не диво, что и въ средѣ студенчества стали предметомъ постояннаго обсужденія и осуществленія на практикѣ всѣ вопросы, связанные съ подъемомъ народного благосостоянія, особенно-же вопросъ о просвѣщеніи массъ. Среди мѣръ, которыми считалось возможнымъ силами студенчества распространять знанія въ народѣ, на первой очереди было устройство воскресныхъ школъ разныхъ типовъ. Сочувствіе этому теченію обнаружилось тогда и въ администрації, особенно въ кіевскомъ учебномъ округѣ, имѣвшемъ въ тѣ годы попечителемъ знаменитаго Н. И. Пирогова, который не только не придерживался по отношенію къ студенчеству системы „охраны“ *sui generis*, но всячески поощрялъ участіе молодежи въ подобныхъ просвѣтительныхъ работахъ. Тутъ то и выступилъ впервые на педагогической путь В. Л. Беренштамъ въ качествѣ участника въ тогдашнихъ кіевскихъ воскресныхъ школахъ. Зная современное положеніе этого дѣла, когда воскресныя школы въ Кіевѣ, даже безъ участія студенчества, были закрыты по распоряженію администраціи, невольно переносишься мыслю въ 60-е годы; тогда главная активная роль въ веденіи школъ народныхъ принадлежала юношеству, и мы лично пережили студенческие годы въ ту

пору 60-хъ годовъ, когда, при отсутствіи уже воскресныхъ школъ, учащаяся молодежь свободно могла работать въ обычныхъ ежедневныхъ народныхъ школахъ, неся свой бесплатный трудъ и ведя нѣсколько лѣтъ подъ рядъ соединенными силами иногда очень многочисленныя начальныя школы. Но это было уже въ періодъ замиранія частной ініціативы въ школьному дѣлѣ, незадолго до того, какъ все народное образованіе попало подъ твердую руку правительственной инспекції, чтобы заглохнуть тамъ въ бюрократическомъ формализмѣ. Что-же касается той поры, въ которую пришлось В. Л. Береништуму работать на этой нивѣ, то — повторяемъ — условия были далеко болѣе благопріятными. Здѣсь-то и выработался у В.—ма Л—ча тотъ педагогический талантъ, который создалъ ему вслѣдствіи славу превосходнаго учителя, съ чуткой, отзывчивой душой, всегдащняго любимца своихъ учениковъ, и во всемъ этомъ не могло ему отказать даже начальство, въ большинствѣ случаевъ косившееся на либерала-учителя.

Демократическія идеи, ставшія въ началѣ 60-хъ годовъ девизомъ всѣхъ лучшихъ силъ страны и естественно охватившія и чуткую молодежь, помимо заботъ о просвѣщеніи народа, выдвинули для разрѣшенія цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, какъ политического характера, такъ и соціального. Для выясненія всѣхъ этихъ вопросовъ, студенчество группировалось въ кружки, гдѣ въ непринужденной и въ недѣланной, безъ всякихъ эффектовъ, обстановкѣ обсуждались разныя теоріи и возможность проведения ихъ въ жизнь. Здѣсь и выросли, и укрѣпились въ В.-мѣ Л-чѣ его основные политические и общественные идеалы; здѣсь записалъ онъ въ своею символъ вѣры тѣ принципы конституціонныхъ правъ гражданина и человѣка, съ которыми сохранился онъ до послѣднихъ дней жизни, не увидѣвъ даже проблеска лучшихъ дней, такъ-какъ наканунѣ смерти своей въ бесѣдѣ съ нами, какъ всегда живой и исполненной свѣтлыхъ взглядовъ, возвращаясь изъ обычнаго засѣданія въ Обществѣ грамотности, онъ съ грустью отмѣчалъ всѣ признаки немѣняющагося прежняго суроваго режима, — а вѣдь это было 9 ноября, когда до Киева еще не дошла вѣсть о первомъ сѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей 6—7 ноября!

Всѣ вопросы о народѣ, въ обстановкѣ кievской жизни, естественно должны были приводить, кромѣ общенародныхъ интересовъ, еще и къ спеціальному пункту — къ вопросу національному. Обрусительныя стремленія, всегда и въ самыхъ разнообразныхъ

классахъ общества довольно сильныя, особенно рѣзко выступали здѣсь, въ Кіевѣ, гдѣ завязанъ узелъ отношеній трехъ народностей — украинской, польской и русской. Вдумчивое, серьезное отношеніе къ народной идеѣ не можетъ игнорировать самобытныхъ особенностей, связанныхъ съ этнографическимъ типомъ той народной среды, въ рядахъ которой приходится работать. И вотъ здѣсь, въ Кіевѣ, сразу всплылъ наверхъ украинскій вопросъ, какъ только наступилъ моментъ рѣшить способъ дѣйствій для народа и во имя народа. Началась оживленная борьба и въ студенческой средѣ. Понятно, что въ этомъ краѣ вопросъ обрусительный не вытекалъ изъ фактovъ самой деревенской жизни, т. к. непосредственного взаимоотношенія двухъ народностей — украинской и великорусской — здѣсь почти не было, и еслибы не искусственная, политиканствующая прививка обрусительныхъ началь путемъ всякихъ средствъ, то украинскій народъ, какъ основной въ краѣ, естественнымъ ходомъ развитія вышелъ бы на прямую дорогу самоопредѣляющейся націи. Но вся бѣда была въ томъ, что много-лѣтнія усиленія правительства стирать въ украинскомъ народѣ все национальное, стараясь замѣнить его великорусскимъ началомъ, фальшиво именующимъ себя *общерусскимъ*, привели къ господству этихъ обрусительныхъ принциповъ въ широкихъ кругахъ общества. Въ результатѣ получалось, что украинская национальная идея встрѣчала сильный отпоръ не только въ людяхъ консервативного лагеря, чаще всего думающихъ такъ, какъ прикажутъ, но и со стороны прогрессивныхъ элементовъ, считающихъ национальный вопросъ слишкомъ мелкимъ по сравненію съ вопросами общеполитического и соціального характера. Сравнительно рѣдко можно было встрѣтить въ изданіи крайнихъ партій начала 60-хъ годовъ мысли болѣе народныя, нежели государственныя. Самымъ характернымъ въ смыслѣ признанія правъ народностей явилось изданіе „Великоруссъ“ (1861 г.), въ которомъ (№ 2) можно прочесть слѣдующія строки: „должна быть дана населенію Южной Руси полная свобода располагать своей судьбой по собственной волѣ“. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній, но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій не довело это недовольство, мы должны уступить имъ“. Но, повторяемъ, такой взглядъ среди тогдашнихъ радикаловъ былъ не особенно распространенъ, а гораздо чаще можно было встрѣтить мысль о раздѣленіи россійской имперіи на Россію и Польшу, съ предоставлениемъ послѣдней всѣхъ провинцій, входившихъ въ нее до 1772 года. Такое-же теченіе

повторилось въ началѣ 60-хъ годовъ и въ Кіевѣ, особенно среди студенческой молодежи, гдѣ, кромѣ великорусскихъ, сталкивались еще стремлени¤ украинскія и польскія. Въ этихъ оживленныхъ спорахъ ясно обозначились три партіи—русская, польская и украинская, и всякому мыслящему студенту пришлось опредѣлить, къ какой партіи онъ долженъ примкнуть. Тутъ-то болѣе всего и сказалаась чуткая душа В. Л. Беренштама: ни по происхожденію, ни по родовымъ традиціямъ не имѣя въ себѣ задатковъ национального украинскаго начала, онъ, исключительно руководясь сознаніемъ роли людей, выросшихъ и воспитавшихся въ Украинѣ, примкнулъ къ украинской партіи и до того сроднился съ ея идеями, что во всю свою послѣдующую жизнь, куда ни забрасывала его судьба, онъ оставался самымъ искреннимъ и убѣжденнымъ украинскимъ націоналомъ.

Въ 1862 году В. Л. Беренштамъ окончилъ кіевскій университетъ по историко-филологическому факультету. Тогда лица, готовившія себя къ педагогической дѣятельности, не прямо съ университетской скамы поступали учителями, какъ это дѣлается теперь, но предварительно подготавливались къ этой дѣятельности, практикуясь нѣкоторое время на особыхъ педагогическихъ курсахъ, основавшихся въ Кіевѣ въ 1860 году. На эти курсы и поступилъ Вильямъ Людвиговичъ сейчасъ-же по окончаніи университета и пробылъ здѣсь два года, подготавляя себя къ преподаванію географіи и исторіи. Не стану я пѣть панегириковъ этимъ курсамъ, такъ-какъ знаю, что въ нихъ было много несовершенствъ, начинавшая съ самаго главнаго — съ отсутствіемъ опытныхъ руководителей; не скажу ничего и въ защиту самой организаціи ихъ, такъ-какъ былъ свидѣтелемъ того, что такой кандидатъ-педагогъ, какъ ихъ тогда именовали, чаще всего посыпался въ какую-нибудь кіевскую гимназію (а ихъ тогда было только двѣ) замѣщать вакантную должность учителя, гдѣ онъ принужденъ былъ вести преподаваніе вполнѣ самостоятельно, — однако самый фактъ пребыванія молодого человѣка на курсахъ былъ до извѣстной степени коррективомъ въ педагогической работѣ: волей-неволей такому кандидату-педагогу приходилось хоть отчасти ознакомиться съ основными методическими приемами, хоть немного изучить учебную литературу своего предмета, а не такъ, какъ бываетъ теперь, что молодой учитель нѣсколько первыхъ лѣтъ ведеть свой курсъ ощупью, пока упражненіемъ на дѣтскихъ мозгахъ не наберется кое-какого опыта.

Мы сказали раньше, что В. Л. Беренштамъ, будучи еще въ университете, занятіями въ воскресной школѣ выработалъ въ себѣ педагогической навыкъ; теперь, на курсахъ, онъ еще болѣе сталъ твердой ногой на этомъ пути. Мне лично пришлось быть въ 1863 году ученикомъ Вильяма Людвиговича, когда онъ въ теченіе иѣсколькихъ мѣсяцевъ преподавалъ намъ географію, замѣнная умершаго учителя. Трудно было въ тѣ дѣтскіе годы дать оцѣнку педагогическихъ пріемовъ преподавателя, но теперь можно судить о талантливости ихъ изъ того факта, что и послѣ 40 лѣтъ съ лишнимъ живо помнишь даже иногда мелкія детали въ урокахъ Вильяма Людвиговича, не говоря уже о томъ, что въ то время онъ пользовался общей любовью всѣхъ настъ, малышей 2-го класса.

Въ самомъ началѣ 1865 года В. Л. Беренштамъ перѣѣхалъ въ Каменецъ-Подольскъ, куда былъ назначенъ учителемъ исторіи и гдѣ прожилъ до лѣта 1868 года, снова возвратившись въ Кіевъ, но уже въ качествѣ учителя французскаго языка въ кіево-подольской прогимназіи. Въ этой роли учителя французскаго языка ему пришлось быть не долго, т. к., во 1-хъ, преподаваніе этого предмета не было его специальностью, а во 2-хъ — въ тѣ годы, когда въ министерствѣ просвѣщенія началъ устанавливаться Толстовскій режимъ, очень многіе изъ педагоговъ рѣшили перейти на службу въ иные вѣдомства. Такъ поступилъ и В. Л. Беренштамъ: испытавъ въ Каменецъ-Подольскѣ всѣ прелести гимназическихъ порядковъ, особенно подъ главенствомъ такого директора, какъ г. Коленко съ его бюрократическимъ самовластіемъ, онъ долженъ былъ, въ силу необходимости, принять мѣсто преподавателя французскаго языка, лишь-бы перѣѣхать въ Кіевъ, но сейчасъ-же попытался перейти въ военно-учебное вѣдомство и черезъ три мѣсяца оставилъ службу въ кіево-подольской прогимназіи, занявъ должность преподавателя географіи въ кіевской военной гимназіи.

Какую педагогическую силу потеряло въ его лицѣ вѣдомство народнаго просвѣщенія, можно видѣть изъ всѣхъ тѣхъ отзывовъ, которые приходилось неоднократно слышать и читать о немъ въ видѣ воспоминаній его бывшихъ учениковъ. Отличаясь большими педагогическими талантами, обладая глубокой эрудиціей, имѣя „душу живу“, В. Л. Беренштамъ всегда являлся не только учителемъ, но и воспитателемъ юношества въ самомъ широкомъ и лучшемъ значеніи этого слова. Не гоняясь за популярностью среди учениковъ средствами далеко не педагогичными, какъ-то:

безгранична снисходительность ко всякимъ недостаткамъ юношей, а особенно въ области ученія,—В. Л-чъ былъ однако однимъ изъ популярнѣйшихъ учителей въ Киевской военной гимназіи въ лучшіе годы ея жизни, такъ-какъ его умная и честная натура признавала, что истинной и прочной любви учащихся можетъ достигнуть только тотъ преподаватель, который обнаружить по отношенію къ нимъ свое чистое сердце человѣка, а не вицмундирнаго чиновника, свое искреннее желаніе быть учителемъ и воспитателемъ въ духѣ добра и правды, а не въ смыслѣ исполненія безчисленныхъ мелкихъ правилъ и инструкцій, свое уваженіе къ наукѣ и знаніямъ, а не только выучку положенныхъ учебниковъ. Такимъ именно педагогомъ и былъ В. Л. Беренштамъ въ средѣ своихъ воспитанниковъ военной гимназіи въ Киевѣ, такимъ онъ остался и до конца своей педагогической дѣятельности, преподавая затѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣ переѣзда изъ Киева.

Періодъ пребыванія его въ Киевѣ съ 1868 до 1879 года былъ особенно оживленнымъ, благодаря тому, что онъ, кромѣ своихъ педагогическихъ занятій, вошелъ и въ болѣе широкую общественную жизнь. Всюду, где только видѣнъ былъ въ Киевѣ проблескъ живого дѣла и живой мысли, В. Л-чъ оказывался однимъ изъ дѣятельныхъ работниковъ. Близко зная многія страницы изъ жизни В. Л-ча въ эти годы, я считаю себя обязаннымъ, для характеристики покойнаго, открыть нѣкоторыя изъ нихъ, при чемъ напередъ оговариваюсь, что въ жизни такихъ людей, какъ В. Л. Беренштамъ, иногда не такъ характерны страницы офиціальныхъ, какъ частныя, интимныя. Главными дѣлами, въ которыхъ В. Л-чъ принималъ участіе въ эти годы, были: 1) Юго-западный отдѣль Императ. Русск. Географическаго Общества; 2) газета „Кievskij Telegrafъ“; 3) отправка волонтеровъ въ Герцеговину и Сербію передъ началомъ русско-турецкой войны; 4) киевская городская дума. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ онъ участвовалъ не только какъ заурядный работникъ, но влагалъ въ нихъ всю свою душу. Возьмемъ-ли мы участіе его въ Юго-западномъ отдѣль Географическаго Общества, где казалось-бы, все должно ограничиваться научными работами членовъ отдѣла, но на дѣлѣ работа здѣсь по необходимости переходила и въ другую область. Учрежденіе въ Киевѣ „Юго-западнаго отдѣла“ преслѣдовало цѣль собрать мѣстныя силы для всесторонней работы по изученію быта, нравовъ, творчества украинскаго народа, однимъ словомъ всего того, что даетъ возможность уразумѣть народную психологію и

что составляетъ задачу науки *фольклора*. При нормальныхъ усло-
віяхъ общественной жизни, на этой почвѣ никакихъ осложненій
произойти не можетъ, — такъ это все естественно и логично; но
охранительная политика, всегда усердствующая черезъ край, и
тутъ нашла для себя пищу, поднявъ кликушескій лай въ тонѣ
„coveant consules“. Какъ всегда бываетъ, первую скрипку въ
этомъ концертѣ взяли добровольцы, во главѣ съ газетой „Кіев-
лянинъ“. Началась по всѣмъ направленіямъ агитация противъ
„Отдѣла“, а въ результатахъ — временное закрытие его, продол-
жающееся, впрочемъ, ровно 30 лѣтъ. Во всей этой борьбѣ
для защиты дорогого дѣла дѣятельное участіе принималъ В. Л-чъ,
сознавая ту вопіющую неправду, которая творилась со стороны
противниковъ; но, конечно, борьба эта мало могла себя обнару-
жить официальными, открытыми ходами, а пришлось работать
большею частью въ частныхъ совѣщеніяхъ, перепискахъ, перего-
ворахъ и пр. Вотъ тутъ-то мы и были свидѣтелями всей той
энергіи, убѣжденности и трудоспособности, которая проявилъ въ
тотъ моментъ В. Л. Беренштамъ, за что имя его и попало пре-
жде всего въ тѣ лѣтописи, которая личнаго благополучія не
предвѣщаютъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ переживалась эта страничка
въ жизни „Отдѣла“, совершался и другой драматический мо-
ментъ — изданіе газеты „Кіевскій Телеграфъ“, изательницей
котораго была въ то время жена профессора А. И. Гогоцкая, во-
шедшая въ началѣ 1875 года въ соглашеніе съ цѣлымъ круж-
комъ выдающихся мѣстныхъ научныхъ силъ, такихъ, какъ М. П.
Драгомановъ, Н. И. Зиберъ, Ѳ. К. Волковъ и др. Къ этому кружку
примыкалъ и В. Л. Беренштамъ. Тѣ девяносто, кажется, номеровъ
„Кіевскаго Телеграфа“, которые прошли при сотрудничествѣ этого
кружка, составляютъ, по признанію столичной печати, лучшую
страничку въ мѣстной прессѣ того времени. Но и тутъ не
легка была роль работниковъ въ „Телеграфѣ“: помимо той энер-
гіи, которую приходится затрачивать вообще на газетную работу,
„Кіевскому Телеграфу“ надо было выдерживать еще и спеціаль-
ную борьбу, направленную со стороны того-же „Кіевлянина“ и
его однomyшленниковъ, не брезгавшихъ никакими средствами
для того, чтобы поразить своихъ противниковъ, при чёмъ сред-
ства эти ничего общаго съ литературной полемикой не имѣли.
Въ результатѣ А. И. Гогоцкая должна была разстаться съ своими
сотрудниками, а газета вскорѣ совсѣмъ заглохла и прекратила
свое существованіе по приказанію свыше.

И такъ, и въ этомъ начинаніи, подобно „Юго-западному отдѣлу“, пришлось В. Л. Беренштаму много вынести хлопотъ и заботъ и въ концѣ концовъ увидѣть излюбленное дѣтище свое погибшимъ, а въ книгѣ личнаго счета своего получить тѣ прибавочные справки, которыя подготовляли его невольный отъездъ изъ Киева. Однако изумительная энергія и настойчивость его въ достижениіи общественныхъ идеаловъ не ослаблялись, а все съ большей силой погружали его въ дѣла, носившія идеиній характеръ. Въ 1875 году, во время герцеговинскаго возстанія, всѣ лучшіе люди въ Россіи были охвачены мыслю объ освобожденіи маленькаго народа отъ турецкаго рабства. Быстро росло повсюду возбужденіе умовъ и желаніе чѣмъ-нибудь помочь этому освободительному движенію. У насъ, въ Киевѣ, тоже началъ формироваться отрядъ добровольцевъ, сначала негласно, т. к. еще не видно было, какой политики придержится русское правительство. В. Л. Беренштамъ въ этомъ движеніи принялъ самое энергичное участіе, и мы сами были свидѣтелями того, какъ онъ, совсѣмъ не будучи очень богатымъ человѣкомъ, далъ при подпискѣ на устройство отряда добровольцевъ изъ Украины нѣсколько сотъ рублей. Но далеко не одной материальной стороной онъ поддерживалъ это движеніе: увлекшись идеей славянскаго освобожденія, онъ впослѣдствіи сталъ принимать самое дѣятельное участіе въ образовавшихся уже официальномъ комитетахъ, гдѣ работалъ со всей свойственной его натурѣ энергіей.

Прибавимъ теперь къ сказанному, что въ эти же самые *семидесятые* годы украинская кружковая жизнь въ Киевѣ очень усилилась и развилась, и намъ станетъ ясно, что В. Л-чъ, всей душой входя въ жизнь и дѣятельность этихъ кружковъ, положительно не зналъ отдыха, отдавая всего себя работѣ на общественной нивѣ: можно смѣло сказать, что ни одного вечера въ недѣлю не оставалось свободнаго отъ какихъ-нибудь совѣщательныхъ засѣданій то по одному, то по другому вопросу. Вѣдь къ этому времени относится усиленная дѣятельность по изданію украинскихъ книгъ, какъ для народа — въ видѣ такъ называемыхъ *метеликівъ*, такъ и въ формѣ научныхъ этнографическихъ трудовъ; вѣдь это-же время начались и работы по составленію того самаго украинскаго словаря, который въ минувшемъ году представленъ былъ редакціей „Кievskoy Stariны“ въ Академію Наукъ на премію Н. И. Костомарова и, какъ извѣстно уже написмъ читателямъ, удостоенъ второй преміи. Для всего этого нужны были постоянныя собранія, и почти во всѣхъ ихъ В. Л-чъ бывалъ не-

премѣннымъ членомъ, зачастую устраивая ихъ у себя въ квартире. Однимъ словомъ, частная кружковая жизнь въ Киевѣ находилась тогда въ полномъ движеніи, и одной изъ двигательныхъ пружинъ въ ней былъ В. Л. Беренштамъ.

Для характеристики этого периода въ кievской жизни В. Л. Беренштама намъ остается сказать еще о его кратковременной дѣятельности въ качествѣ думскаго городского гласнаго, для чего мы воспользуемся тѣми строками, которыя даны были проф. И. В. Лучицкимъ въ маленькой поминальной его статьѣ въ „Киевскихъ Откликахъ“ (1904 г. 13 ноября).

„Дѣло происходило въ концѣ 1878 года. Два четырехлѣтія городомъ управляла группа лицъ, съ бывшимъ ректоромъ кievскаго университета Н. К. Ренненкампфомъ во главѣ, и это-же управление все яснѣ и яснѣ обнаруживало для кievскихъ жителей несоответствіе между тѣми задачами, которая должно было преслѣдоваться городское самоуправлениѣ, и тѣмъ, что происходило въ дѣйствительности. Необходимость измѣнить составъ гласныхъ, измѣнить ходъ и направленіе хозяйственной политики городской управы, политики, направленной въ сторону страшно дорогого обходившихся городскихъ построекъ (въ родѣ, напр., зданія нынѣшней городской думы), а не въ пользу удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей городского населенія (санитарныя мѣры, школьнное дѣло и т. д.), вызывали все болѣе и болѣе недовольство и жалобы. Къ концу 1878 года движение противъ порядка вещей, установившагося въ управѣ и думѣ, стало скazyваться съ особеною силою, благодаря въ особенности тому, что въ началѣ 1879 года заканчивались полномочія думы и предстояли новые выборы. Въ этотъ-то моментъ покойный Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ выступилъ на арену дѣятельности. Обладая рѣдкою энергией, не знающей устали, онъ сразу-же сталъ во главѣ движения, сразу-же сгруппировалъ вокругъ себя массу недовольныхъ. И здѣсь онъ явился агитаторомъ не изъ-за личныхъ цѣлей, не изъ-за вопроса о личностяхъ, а агитаторомъ во имя определенныхъ и ясно поставленныхъ цѣлей и принциповъ. Организуя предвыборныя собранія, участвуя лично въ каждомъ изъ нихъ, онъ постоянно выступалъ съ программой, которую онъ выставлялъ, какъ необходимое условіе для дѣйствительной замѣны стараго управления городскимъ хозяйствомъ новымъ, соотвѣтственнымъ задачамъ городского самоуправлениія. И все этѣ времена, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, онъ не покладалъ руку, не зналъ покоя, не переставалъ работать. Нужно было

видѣть его и до и во время выборовъ, чтобы понять, какую силу и энержію способенъ быль онъ проявить. Выборы тогда носили иной характеръ, чѣмъ теперь; они производились по тремъ группамъ, при чемъ выборы второй группы длились болѣе сутокъ, выборы третьей — цѣлыхъ три дня. И за все это время В. Л-чъ былъ постоянно на своемъ посту, постоянно говорилъ, убѣждалъ, разъяснялъ, во имя какихъ принциповъ необходимо произвестъ выборы новыхъ лицъ. Насколько при условіяхъ того времени это было возможно, цѣль была имъ достигнута: прежняя управа и прежній городской голова были замѣнены новыми лицами. Но на этомъ В. Л-чъ не успокоился: какъ гласный, онъ обратилъ все вниманіе на организацію между самими гласными, на образованіе изъ ихъ среды группы единомышленной, которая взяла-бы на себя проведеніе въ жизнь истинныхъ принциповъ самоуправліенія, и онъ былъ душою и центромъ цѣлаго ряда такихъ собраний, составлявшихся передъ каждымъ думскимъ засѣданіемъ".

Недолго пришлось проработать здѣсь В. Л-чу: лѣтомъ 1879 года его перевели учителемъ въ Псковъ въ военную гимназію, въ зависимости отъ чего оборвалась его думская дѣятельность, какъ оборвалась и вся сложная нить его общественныхъ трудовъ на кіевской почвѣ. Очевидно, въ лѣтописяхъ подлежащихъ вѣдомствъ записи оказались не по сердцу мѣстной администраціи, почему и решено было продолженіе записей вести въ другомъ мѣстѣ.

Въ Псковѣ В. Л. Беренштамъ пробылъ только одинъ годъ, такъ-какъ имя его, какъ талантливаго преподавателя, не могло быть неизвѣстно главному управлению военно-учебныхъ заведеній, которое пожелало использовать эту педагогическую силу для столичныхъ военныхъ гимназій, — вотъ почему уже съ осени 1880 года В. Л-чъ переселился въ Петербургъ въ качествѣ преподавателя 1-ой Петербургской военной-гимназіи. Но и этотъ одинъ годъ пребыванія въ Псковѣ не прошелъ безъ того, чтобы В. Л-чъ, помимо своихъ служебныхъ занятій, не отдался и болѣе широкой общественной дѣятельности. Здѣсь материаломъ для нея послужило его научное знакомство съ археологическими изслѣдованіями, а мотивомъ — существование въ Псковѣ скромнаго музея древностей. Чтобы возбудить въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ собиранию и изученію памятниковъ древности, разбросанныхъ въ районахъ псковской губерніи, В. Л-чъ прочелъ въ началѣ 1880 года двѣ публичныхъ лекціи на тему „Доисторическая времена и ихъ археологическое изслѣдованіе“, издан-

ныя имъ въ Псковѣ въ томъ-же году. Эта брошюра представляетъ прекрасную популяризацию всѣхъ основныхъ вопросовъ археологической науки, а также развиваетъ мысль о значеніи археологическихъ изученій въ мѣстныхъ районахъ, съ цѣлью возбудить въ псковитяхахъ интересъ къ изслѣдованію своихъ древностей и къ поддержанію и развитію мѣстнаго музея въ Псковѣ.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ въ 1880 году, В. Л. Беренштамъ сразу пріобрѣтаетъ себѣ славу прекраснаго преподавателя, такъ-что, кромѣ военной гимназіи, онъ получаетъ цѣлый рядъ приглашеній преподавать въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, изъ которыхъ упомянемъ Петербургскій учительскій институтъ, гдѣ ему пришлось проявить свои преподавательскія силы и способности въ новой роли руководителя взрослыхъ людей, готовившихъ себя къ учительской дѣятельности. Намъ лично удалось быть нѣсколько разъ свидѣтелемъ тѣхъ симпатій иуваженія, какими пользовался В. Л-чъ среди воспитанниковъ учительскаго института, гдѣ онъ былъ не только преподавателемъ исторіи и географіи, но и воспитателемъ, т. е. въ самой трудной и, при неблагопріятныхъ условіяхъ, самой отвѣтственной роли педагога. Здѣсь такъ легко или возбудить къ себѣ недовѣrie, а иногда и просто презвѣніе, со стороны учащихся, при маломальски казенномъ, формальномъ отношеніи къ нимъ, или потерять всякую авторитетность, при желаніи сдѣлаться популярнымъ среди нихъ и при неумѣніи выдержать подобающій тактъ. В. Л-чъ сумѣль поставить себя такъ, что всегда пользовался у воспитанниковъ института полнымъ уваженіемъ и любовью, держа себя среди нихъ не какъ начальство, а какъ истинный педагогъ-руководитель, къ которому смѣло могъ обратиться каждый за совѣтомъ и содѣйствиемъ не только по вопросамъ, связаннымъ съ жизнью школы, но и по всѣмъ личнымъ своимъ дѣламъ. Все это можно было наблюдать въ тѣ немногіе часы, въ которые намъ приходилось бывать въ институтѣ у В. Л-ча въ дни его дежурства тамъ. Слѣдь пребыванія В. Л-ча въ институтѣ остался до сихъ поръ въ видѣ тѣхъ двухъ тетрадей литографированныхъ записокъ по методикѣ исторіи и географіи, которые были имъ составлены какъ предметъ его курса и которыми и понынѣ еще пользуются те перешніе воспитанники института.

Подобно тому какъ въ Кіевѣ, В. Л. Беренштамъ, при своей энергичной натурѣ, не могъ жить и въ Петербургѣ вдали отъ участія въ живой общественной дѣятельности; будучи человѣкомъ

вполнѣ научно-образованнымъ, любя книжное и литературное дѣло, онъ примкнулъ къ лучшимъ литературно-научнымъ силамъ столицы, и его постоянно можно было видѣть активнымъ участникомъ въ разныхъ учрежденіяхъ: литературный фондъ, союзъ писателей, редакціи журналовъ, не говоря уже о личныхъ близкихъ, а иногда даже дружественныхъ связяхъ съ литераторами и учеными. Такія лица, какъ Н. И. Костомаровъ, А. Н. Пыпинъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. И. Карѣевъ, И. И. Вейнбергъ, Н. Ф. Анненскій, В. А. Мякотинъ, были всегда въ тѣсномъ общеніи съ нимъ. Когда въ 1884 году при Педагогическомъ музѣ военно-учебныхъ заведеній былъ учрежденъ „Отдѣль для содѣйствія самообразованію“, составившій программы какъ по естествознанію, такъ и по гуманитарнымъ наукамъ, среди учредителей этого отдѣла мы встрѣчаемъ и В. Л. Беренштама, который, совмѣстно съ Н. И. Карѣевымъ, занялся выработкой программы для самообразовательного чтенія по всеобщей истории.

Живя въ Петербургѣ многіе годы (18 лѣтъ), оторванный отъ близкой его сердцу Украины, В. Л. Беренштамъ не порывалъ однако связей съ нею, по прежнему интересуясь всѣмъ ходомъ туго подвигавшагося национального украинского вопроса и оказывая дѣятельную помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было нажать ту или иную пружину въ Петербургѣ. Такъ напр., благодаря его энергіи, связямъ и ходатайствамъ, удалось наконецъ получить разрѣшеніе на изданіе „Кобзаря“ Шевченка въ наиболѣе полномъ видѣ. Изданіе это, вышедшее въ 1883 году (послѣ перерыва въ 16 лѣтъ послѣ изданія Кожанчикова), всецѣло обязано ему своимъ появлѣніемъ въ свѣтъ, и оно-то и послужило впослѣдствіи основой для всѣхъ дальнѣйшихъ изданій, такъ-какъ текстъ вошедшихъ въ него сочиненій былъ какъ-бы узаконенъ для Россіи. Нельзя не указать также на то, что В. Л. Беренштамъ былъ въ Петербургѣ тѣмъ лицомъ, вокругъ которого группировались всѣ наши земляки—украинцы, какъ проживавшіе тамъ постоянно, такъ и наѣзжавшіе въ столицу временно. Къ нему можно было смѣло обращаться по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ интересами украинства въ Петербургѣ, будучи увѣреннымъ, что онъ всегда охотно поможетъ найти отвѣтъ и удовлетвореніе разныхъ ходатайствъ, благодаря своимъ личнымъ связямъ и отношеніямъ. Не удивительно потому, что въ двухъ главныхъ украинскихъ учрежденіяхъ столицы—въ Обществѣ имени Т. Г. Шевченка и въ обществѣ распространенія народныхъ

украинскихъ изданій—имя В. Л-ча стоитъ въ ряду основателей. Однимъ словомъ, дальность разстоянія и столичныя условія жизни не заглушили въ душѣ его тѣхъ ідейныхъ украинскихъ стремлений, которыя, какъ было сказано, возникли у него не кіевской почвѣ въ началѣ 60-хъ годовъ и которыя стали для него второй его природой, такъ-что, живя въ столицѣ, онъ сердцемъ всегда жилъ здѣсь съ нами, на Украинѣ.

Слабѣющиі силы заставили В. Л-ча въ 1898 году оставить службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Петербургъ, для того чтобы остатокъ дней своихъ дожить въ родномъ ему Кіевѣ. Здѣсь, въ эти послѣдніе шесть лѣтъ его жизни, онъ, съ сильно развившимися приступами астмы, явился все тѣмъ-же энергичнымъ и отзывчивымъ на все доброе человѣкомъ, принявшимъ сразу дѣятельное участіе въ работахъ нѣсколькихъ общественныхъ учрежденій. Будучи и раньше связанъ съ изданіемъ журнала „Кіевская Старина“, онъ теперь стала органическимъ сотрудникомъ его, то помѣщая время отъ времени свои статьи, то помогая въ дѣлѣ редактированія изданія.

Появленіе В. Л-ча въ Кіевѣ совпало со временемъ оживленія въ дѣятельности Кіевскаго Общества Грамотности. Конечно, не могъ онъ, всю жизнь свою посвятившій народному просвѣщенію, стать въ сторонѣ отъ работы Общества грамотности; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего прїѣзда въ Кіевъ, онъ былъ избранъ въ члены совѣта Общества, и съ тѣхъ поръ, до самой кончины своей, Общество грамотности видѣло въ его лицѣ одного изъ отмѣнныхъ работниковъ въ разныхъ комиссіяхъ своихъ. Не разстался онъ и съ своей любовью къ археологическимъ изученіямъ, почему сейчасъ-же примкнулъ въ Кіевѣ къ обществу, устроившему здѣсь мѣстный музей древностей и искусствъ. Однимъ словомъ, покойный В. Л. Беренштамъ былъ той живой силой, которая не могла отказать понятію о жизни отъ понятія объ общественной работѣ. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, счастливая смерть выпала на его долю: наканунѣ смерти мы видѣли его въ засѣданіи Общества Грамотности, какъ всегда энергичнаго, живого работника и милаго собесѣдника; въ день смерти мы привѣтствовали его съ исполнившимся 65-тилѣтіемъ его жизни и собирались вечеромъ провести вмѣстѣ нѣсколько часовъ въ пріятной бесѣдѣ среди пріятелей его, но въ 8 часовъ вечера застали его уже на смертномъ одрѣ, а черезъ часъ онъ лежалъ уже на столѣ, оторванный отъ насъ въ иныхъ обитали, унесшій съ собою все то дорогое, что связывало насъ съ нимъ.

въ теченіе многихъ лѣтъ. Скончался онъ, по истинѣ, не покидая поста общественной службы.

Пусть-же эти строки будутъ данью благодарности отъ насть тому человѣку-гражданину, образъ котораго можетъ служить примѣромъ для новыхъ поколѣній, подобно тому какъ личность его служила всегда образцомъ лучшихъ сторонъ въ человѣчествѣ для его современниковъ.

В. Науменко.

В.Л.БЕРЕНШТАМ (ДО 100-РІЧЧЯ З ДНЯ СМЕРТІ)

На основі архівних джерел, спогадів сучасників, вивчення наукової літератури здійснено спробу реконструювати основні віхи життя, громадсько-культурну діяльність В.Л.Беренштама.

On the base of archives sources, memories of contemporaries, studing scientific literature, the attempt to reconstruct main landmarks, civic and cultural activity of V.L.Berenshtam is maken.

Мало кому відомо, що у листопаді 2004 р. виповнюється 100 років з дня смерті видатного українського громадсько-культурного діяча, визначного педагога й археолога Вільяма Людвіговича Беренштама. Його енергійна різnobічна діяльність зробила суттєвий внесок до історії розвитку українського національного відродження.

10 листопада 1839 р. у Києві у єврейській родині Людвіга Івановича Беренштама народився хлопчик. Його

назвали Вільям. Сім'я Беренштамів складалася із семи чоловік: батька, вихідця із Курляндії, матері (на жаль, про неї не збереглося майже ніяких відомостей, крім того, що, за свідченням М.Кістяківської, вона зберегла "... живий розум до глибокої старості...")¹, трьох синів: Альберта, Ольгерда, Вільяма і двох дочок: Софії та Євгенії².

Людвіг Іванович перейшов до лютеранства і повністю прийняв німецьку культуру, тому вдома

розвивали переважно німецькою мовою і дотримувалися німецьких релігійних звичаїв та обрядів.

Початкову освіту Вільям Людвігович отримав у пансионаті француза Гедуена. Це був найкращий пансионат того часу.

Протягом 1849–1857 рр. В.Л.Беренштам навчався у першій Київській гімназії, яка розташовувалася у Кловському палаці, у Липках. Тоді це був закритий дворянський становий заклад, куди, як виключення, допускалися діти поважних осіб та міської буржуазії. За спогадами самого В.Л.Беренштама, під час його навчання у 5 класі "... у всій гімназії було усього чотири учні з потомствених почесних громадян і купців I гільдії, переважали сини польських поміщиків з південно-західного краю і малоросійських з Чернігівської і Полтавської губернії³". Одним з цих чотирьох був Вільям Людвігович. Згадуючи гімназійний період, він з особливою повагою писав про викладача математики П.Е.Роцина. Багато уваги учням приділяв професор політичної економії та права Київського університету М.Х.Бунге, який постачав їм книги та журнали, зокрема, "Современник", "Отечественные записки", "Русский Вестник".

Закінчивши гімназію, В.Беренштам спочатку вступив на математичний факультет Університету св. Володимира, а потім на історико-філологічний, який закінчив у 1862 р. Університетський період був визначним етапом у становленні національної свідомості вченого. Вільям Людвігович багато займався самоосвітою, брав активну участь у створенні перших недільних шкіл.

Зазначимо, що видатна роль в організації недільних шкіл належала попечителю Київського навчального округу М.І.Пирогову. Взагалі 1858–1861 рр. – період його діяльності на цій посаді – В.Беренштам назвав "... квітучою епохою у житті київських навчальних закладів: у гімназіях повіяло новим духом – підвищилося значення викладачів: вони стали самостійнішими, посилилася діяльність педагогічних рад, пожавилися викладання, відношення до учнів стало ввічливим і гуманним, різні тілесні покарання, ... майже зникли"⁴. Він навіть сприяв участі студентів у роботі недільних шкіл.

Одна з перших недільних шкіл була заснована у Полтаві у 1858 р. За підрахунками А.Ширинського-Шихматова, протягом 1859–1862 рр. в Україні було відкрито 81 недільну школу⁵. Особливо слід виділити Подільську, що була ареною діяльності, головним чином, діячів з Лівобережжя і М.Драгоманова, та Новостроєнську, де зосереджувалася робота товаришів В.Антоновича. У навчальному процесі широко використовували "Граматку" П.Куліша (1857), підручники "Домашня наука" (Перші початки) і "Домашня наука" (Вищі початки) К.Шейковського (1860), "Букварь южнорусский" Т.Шевченка (1861), "Українську абетку" М.Гатчука (1861), "Українські прописи" О.Кониського (1862), "Арифметику" Д.Мороза (1862) та ін.⁶.

Царський уряд усіляко обмежував діяльність недільних шкіл. А 10 червня 1862 р. наказом Олександра II вони були закриті.

Педагогічна жилка В.Л.Беренштама та його друзів не давала їм спокою: вони влаштували приватну школу-інтернат, де викладання велося виключно українською мовою з використанням методу навчання звукової грамоти⁷. Студенти навіть брали собі на виховання хлопчиків переважно із сільської місцевості.

Зазначена вище діяльність Вільяма Людвіговича, інтерес до українського народу, любов до його національних традицій призвели до того, що він був змушений піти з рідного дому, де панували

лютеранство та німецька культура й оселитися у друзів на квартирі.

Отже, на 1862 р. – рік закінчення університету – Вільям Людвігович вже мав певний досвід, практику у педагогічній діяльності і відчув, що педагогіка – його покликання, тому у 1862 р., відразу після закінчення університету, вступив на педагогічні курси (були відкриті у 1860 р. з метою підвищення педагогічної підготовки після університету). Спеціальність, яку вибрав собі Вільям Людвігович, була історія та географія.

Після завершення курсу 31 грудня 1864 р. Вільям Людвігович отримав призначення на посаду вчителя історії у Кам'янець-Подільській гімназії, де дуже швидко встиг завоювати симпатії учнів. Зокрема, про це свідчать спогади В.Науменка, який згадував про В.Беренштама як про "... молодого, енергійного, талановитого вчителя географії, який встиг протягом декількох місяців стати улюбленим учителем усіх малюків 2 класу"⁸.

Улітку 1868 р. Вільям Людвігович переїжджає до Києва. Тут на декілька місяців він влаштувався у Подільську гімназію, де викладав французьку мову. Однак був змушений залишити службу по Міністерству народної освіти через незадоволення діяльністю графа Д.Толстого і перейти до Військово-навчального відомства. 28 листопада 1868 р. В.Беренштам отримав посаду викладача географії у Київській військовій гімназії.

Київська педагогічна діяльність Вільяма Людвіговича тривала 11 років. Протягом цього значного періоду за ним "... остаточно встановилася репутація чудового педагога, видатного талантом і знаннями"⁹.

Період кінця 60-х – початку 70-х рр. XIX ст. відзначився пожвавленням діяльності українських національних нелегальних організацій – громад, зокрема Київської громади. У цей час до міста повертаються із заслання з Архангельської губернії П.Чубинський, з Поділля, де вчителював після закінчення Київського університету, – П.Житецький, з Німеччини – М.Лисенко, із Златопільської прогімназії до Києво-Подільської перевівся О.Русов¹⁰. В.Антонович зі своїми колегами та при підтримці таких талановитих помічників, як М.Драгоманов, П.Житецький, М.Зібер, М.Лисенко, М.Старицький, П.Чубинський та інші утворили "Стару громаду", яка отримала таку назву для того, щоб відрізнятися від нових громад, які також складалися переважно із студентів.

Повний сил та енергії Вільям Людвігович повністю поринув у практичну реалізацію багатьох задумів громади. Збори були конспіративними, відбувалися переважно вечорами на квартирах її членів, досить часто у приміщенні В.Беренштама. Зазначимо, що у громадівському середовищі Вільям Людвігович фігурував під прізвиськом Вілька¹¹ або Вілімка¹².

13 лютого 1873 р. у Києві відбулося офіційне відкриття Південно-західного відділу Російського географічного товариства. Заяву про його заснування підписали 17 чоловік, серед яких є і прізвище Л.Беренштама: М.Бунге, В.Бооль, В.Беренштам, Ф.Волков, П.Житецький, В.Зайончевський, О.Клоссовський, В.Кравцов, М.Константинович, М.Левченко, М.Лисенко, П.Любимов, О.Русов, П.Чубинський, Ю.Цвітковський, В.Шульгін, М.Яснопольський. Чотирнадцять з них були активними діячами Київської громади або її співчували.

Відділ був створений для п'яти губерній: Київщини, Волині, Поділля, Полтавщини і Чернігівщини – з метою збирання, обробки та поширення в Росії географічних, етнографічних і статистичних відомостей про Росію, а також розповсюдження матеріалів про Росію в інших країнах ("Положение о Юго-Западном Отделе Императорского Русского Географического Общества,

Высочайше утвержденное в 10 день ноября 1872 г. с выпиской соответствующих параграфов Устава Императорского Русского Общества, относящихся к Юго-Западному Отделу")¹³. Головою відділу був обраний Г.П.Галаган, а керуючим справами – П.П.Чубинський.

Протягом існування відділу відбулося 28 засідань, на яких було прочитано 33 доповіді. Усі вони надруковані у двох томах "Записок" відділу, що вийшли у світ в 1874–1875 рр. Якщо ми їх уважно переглянемо, то будемо вражені: прізвища В.Беренштама немає. Однак його діяльність у роботі відділу була суттєва. Вільям Людвігович брав участь в усіх засіданнях відділу, займався збиранням матеріалів. Однією із визначних подій відділу було проведення 2 березня 1874 р. одноденного перепису населення м. Києва. В.Беренштам входив до складу Особливої комісії¹⁴, яка повинна була розробити детальний план одноденного перепису. Вона складалася із шести осіб під головуванням керуючого справами відділу П.Чубинського та В.Антоновича, В.Беренштама, К.Жука, В.Рубінштейна і М.Ясно-польського. Під час підготовчої роботи до перепису В.Беренштама було обрано керуючим справами Розпорядчого комітету. Усього відбулося п'ять засідань цього комітету. На останньому, що проходило під головуванням Київського, Подільського та Волинського генерал-губернатора М.Дондукова-Корсакова, було прийняте рішення провести однодений перепис під керівництвом Спостережного комітету у кількості 29 чол., серед яких ми знову зустрічаємо прізвище В.Беренштам. До його складу увійшли О.Антепович, В.Антонович, В.Беренштам, О.Білоусов, П.Богданов, В.Борисов, Ф.Волков, О.Воронін, З.Грабовський, К.Жук, С.Завойко, Л.Ільницький, О.Клоссовський, М.Ковалевський, М.Константинович, М.Левченко, О.Ліндфорс, М.Лисенко, О.Лісіцин, П.Любимов, О.Михайлов, К.Михальчук, І.Новицький, В.Рубінштейн, Д.Синицький, М.Старницький, О.Ушинський, Ю.Цвітковський, і П.Чубинський¹⁵.

Вільям Людвігович брав участь в організації проведення і роботі III Археологічного з'їзду, який проходив у Києві з 2 по 16 серпня 1874 р. під головуванням графа О.Уварова.

З літа 1874 р. періодичним органом Відділу стала газета "Київський телеграф". Дружина проф. С.Го-гоцького, А.Го-гоцька, придбала власну друкарню і купила часопис "Київський телеграф". До участі в редакції вона запросила таких діячів відділу як В.Антоновича, В.Беренштама, Ф.Волкова, М.Драгоманова, П.Житецького, М.Зібера, О.Русова, Ю.Цвітковського, П.Чубинського, Я.Шульгіна та ін.

На початку 1875 р. "Київський телеграф" проголосив, що газета буде "прагнути ставитись неупереджено до всіх виявів взаємодії націй і станів у нашій вітчизні...", звертати особливу увагу на потреби і прояви життя народної маси, що становить основну силу вітчизни як за чисельністю, так і за економічним виробництвом, тим більше, що недостатність освіти в ній вимагає особливої уваги з боку інтелігентних класів"¹⁶. Характеризуючи оновлений часопис, М.Драгоманов писав: "Сміло скажу, що в Україні не було ніколи видання, котре б так підходило за своїм напрямом до програми Кирило-Мефодіївського братства, як наш "Київський телеграф" 1875 р."¹⁷

Наприкінці липня 1875 р., після того як В.Шульгін виступив проти політичного спрямування газети. А.Го-гоцька почала затримувати співробітникам заробітну плату, втручатись у редакційні справи. Її лист до Ю.Цвітковського містив рішучий ультиматум: "...або відмовитися від крайнього напряму, або з 1 серпня

редакція перейде в інші руки"¹⁸, тому редакція, не чекаючи вигнання, сама залишила цей часопис.

Українознавчий ухил діяльності відділу у поєднанні з активізацією роботи громади привели до появи доповідної записки М.Юзефовича про українознавство, скликання особливої наради і видання 18 травня 1876 р. в Емську цензурного акту у формі височайшого наказу, за яким майже повністю заборонялося українське друковане слово. 7 липня 1876 р. Південно-західний відділ нібито "тимчасово", а, як сталося, назавжди, був закритий. До громад, активних діячів відділення були застосовані репресивні заходи.

У квітні 1875 р. відбулася подія, яка набула значного розголосу у Росії: на Балканському півострові, у Герцеговині спалахнуло повстання, яке незабаром охопило і Боснію. В.Беренштам і Ю.Цвітковський створили особливий комітет зі збиранням пожертвувань для підтримки герцеговинців¹⁹. Усе ж його діяльність вийшла за заплановані межі: крім допомоги, була виявлена велика кількість людей, що співчували повстанцям.

Через деякий час повстанців підтримали Сербія і Чорногорія. У квітні 1876 р. почалося повстання в Болгарії, що поглибило Східну кризу. Уже влітку 1876 р. діячі українського національного руху активно взялися допомагати повстанцям Сербії. За їхньою ініціативою був створений неофіційний комітет, до складу якого увійшли Ю.Цвітковський, В.Беренштам, Є.Тригубов та ін.²⁰. Комітет займався збиранням коштів, одягу і відправленням волонтерів до Сербії.

Діяльність комітету майже відразу викликала симпатії киян, чого не можна сказати про Слов'янський комітет, який повинен був вирішувати зазначені вище питання. У своєму листі до М.Драгоманова від 8 вересня 1876 р. В.Беренштам писав: "Рух, викликаний співчуттям до слов'ян, дуже сильний, він у тому, що ви майже не почуєте інших розмов, крім про сербів, гроши, ... і у масі людей, які ідуть або бажають іти до Сербії... У наших робочих і солдатах ... я зустрів таку масу ідеалізму, і безкорисність, чесність, таку готовність жертвувати собою, ... за справу, яку вони вважають святою. Що я був вражений, особливо коли порівнював з інтелігенцією. До ... волонтерів публіка виказує глибоке співчуття, ...на вокзалі ... лунають гасла за свободу, за свободу слов'ян, за сербів, за Україну, за Київ, за київських волонтерів... Слов'янський комітет зовсім затертий нами; нас знають усі, іх ніхто"²¹.

У 1879 р. на земсько-конституційних з'їздах у Москві В.Беренштам разом з П.Житецьким, Ю.Цвітковським, В.Антоновичем та іншими відстоював право українського народу на національне самовизначення.

Зупинимося на діяльності Вільяма Людвіговича у галузі міського самоуправління. 8 років Києвом керувала група на чолі з колишнім ректором Київського університету Н.К.Ранненкампфом. На кінець 1878 р. нараховувалося багато незадоволених діяльністю Київської міської ради. Зокрема, В.Беренштам і об'єднав навколо себе ці сили. Протягом трьох місяців він плідно працював: проводив передвиборні збори, висував власну програму. Внаслідок цього 4 квітня 1879 р. відбулося засідання нової думи, на якому В.Беренштам був обраний гласним.

Зазначена вище активна діяльність Вільяма Людвіговича, яка мала сuto українську національну спрямованість, привела до того, що влітку 1879 р. він був переведений до Псковської військової гімназії на посаду викладача історії і географії. Однак уже восени 1880 р. був переведений до Петербурзької 1-ої військової гімназії. У Петербурзі В.Беренштам майже відразу увійшов до складу Петербурзької громади. Тут найбільш близькі стосунки він підтримував з

М.Костомаровим²². Після його смерті Вільям Людвігович допомагав дружині Костомарова у видавництві творів ученої.

Перебуваючи у Петербурзі, В.Беренштам підтримував тісні зв'язки з Київською громадою. Його будинок тут, як і Ю.Цвітковського, був центром, де збиралися українці. За дорученням громади Вільям Людвігович отримав дозвіл на видання у 1883 р. "Кобзаря" Т.Шевченка.

У 1881 р. В.Беренштам співпрацював у газеті "Порядок".

Протягом 1883–1898 рр. Вільям Людвігович працював у Петербурзькому вчительському інституті.

Після виходу у відставку у 1898 р. В.Беренштам знову у Києві, де енергійно вливається у події українського науково-культурного життя. Так, у 1899 р. у Києві було здійснено спробу створити Південний відділ Російського географічного товариства, який би продовжив справу діячів Південно-західного відділу. На засіданні підсекції із статистики 26 серпня 1898 р. дійсний член Імператорського Російського географічного товариства Л.Лічков зробив повідомлення щодо незадовільного стану розвитку офіційної статистики в Україні. Учений скажився на відсутність у краї вченого товариства, яке б мало на меті дослідження економіки, етнографії та статистики. У заключній частині свого виступу Л.Лічков запропонував підняття клопотання про створення Південного відділу. Відповідну заяву підписали 114 чоловік, серед яких були й колишні члени відділу: В.Беренштам, О.Русов, О.Лазаревський, М.Зайончевський та ін. Однак спроба відновити діяльність Південно-західного відділу так і лишилася на папері.

Закономірним результатом розвитку громадівського руху в Україні було заснування у Києві у 1882 р. часопису "Київська старина", діяльність якого в умовах русифікаційної політики царського уряду сприяла консолідації інтелектуальних сил української нації. Протягом 1898–1904 рр. В.Беренштам зблишився з редакцією часопису.

Невгамовна натура Вільяма Людвіговича ще була повна сил, ідей, але їм не судилося здійснитися. 10 листопада 1904 р. о 21 год. В.Л.Беренштам раптово помер від розриву серця.

Постать В.Беренштама, на наш погляд, найбільш лаконічно охарактеризував Л.Куперник: "Три культури відобразилися на цьому великому і глибокому розумі, три темпераменти чудно сплелися у його дуже витриманому, рішучому, але в той час дуже м'якому характері. За походженням єврей, за початковим вихованням німець, за освітою і розвитком росіянин, В.Беренштам поєднав у своєму характері, житті і діяльності пристрасну переконливість семіта, громадськість і порядність німця і широкий, вільний порив слов'янина. Це був гуманіст у повному і найкращому розумінні"²³.

¹ Інститут рукописів Національної бібліотеки України ім. В.І.Вернадського (далі – ІР НБУ). – Ф. X, спр. 5301, арк. 1. ² Беренштам В.Л. (Некролог) // Київська старина. – 1904. – № 12. – С. 693. ³ Беренштам В. Из школьных лет А.С.Лашкевича // Киевская старина. – 1899. – № 11. – С. 249. ⁴

Там само. – С. 254–255. ⁵ Білан В. Мережа недільних шкіл на Україні (1859–1862) // Архіви України. – 1966. – № 5. – С. 33. ⁶ Стельмах С.П. Боротьба царизму з українською народною школою в другій половині XIX ст. // Актуальні проблеми вітчизняної історії XVIII–XX ст.: 36. наук. праць. – К., 1990. – С. 62. ⁷ ІР НБУ. – Ф. X, – спр. 5301, арк. 6. ⁸ Беренштам В.Л. (Некролог) // Київська старина. – 1904. – № 12. – С. 687. ⁹ ІР НБУ. – Ф. X, спр. 5301, арк. 12. ¹⁰ Цибаньова О. Лаври і терни... – К., 1996. – С. 37. ¹¹ Архів Михайла Драгоманова. – Варшава, 1938. – Т. 1. – С. 54. ¹² Свод указаний, даних некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях // Былое. – 1907. – Июнь. – С. 122.

¹³ Савченко Ф. Заборона українства 1876 року. – Х., К., 1930. – С. 235–238. ¹⁴ Київ и его предместья. – К., 1875. – С. 15. ¹⁵ Савченко Ф. Заборона українства 1876 року. – Х., К., 1930. – С. 53. ¹⁶ Інформація // Київський телеграф. – 1875. – № 42. – С. 1. ¹⁷ Драгоманов М. Літературно-публіцистичні праці : У 2 т. – К., 1970. – Т.2. – С. 246. ¹⁸ Левицький О. Українці в приймах в чукій часописі (Згадка з минулого) // Наше минуле. – 1919. – № 1–2. – С. 60. ¹⁹ ІР НБУ. – Ф. X, спр. 5301, арк. 20. ²⁰ Катренко А., Чиркало Н. Науково-культурниця й політична діяльність Київської громади (70-і – початок 80-х років XIX ст.) // Четверта академія пам'яті професора Володимира Антоновича. – К., 1999. – С. 164.

²¹ Архів Михайла Драгоманова. – Варшава, 1938. – Т. 1. – С. 64–65. ²² Беренштам В. Воспоминання о последних днях Костомарова // Київська старина. – 1885. – Кн. 6. – С. 219–237. ²³ Беренштам В.Л. (Некролог) // Київська старина. – 1904. – № 12. – С. 694.